
Константин Ежов
Орден во всю спину

Константин Ежов

Орден во всю спину

https://litres.ru/74701913
SelfPub; 2026

Аннотация

Российский директорат. Естественно, другой мир и попаданец. Мир в труху. Почти. И главный герой выживает в нём как может. А мир меняется и меняет всех в нём живущих. Люди не исключения. И не сказать, чтобы никто этого не понял. Поняли, ещё как и учатся пользоваться свалившимися на них силами. Вот и Главному Герою привалило. Что, он пока толком не знает, но человек-то наш, а значит найдёт он свой финтефоберный болт и на эту мятую гайку.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Константин Ежов
Орден во всю спину

Глава 1

Проснулся в вязкой, беспокойной темноте. Если что, то зовут меня Ярослав Косой. Последнее, если что, не фамилия, не дорос ещё до такого, а кличка. Ей богу не знаю, за что меня так, и с глазами всё в порядке, да и в целом скорее точностью отличаюсь. Наверное, в пику так обозвали. Но если разобраться мне по фиг! Но теперь прозвище не просто прилипло, а так и используется, как фамилия. Так вот, пот лился с меня ручьём – потому первым делом провёл рукой по лбу, стирая испарину, и с трудом перевёл дыхание. Сердце колотилось, как птица в клетке. Всё тело ныло, словно его всю ночь месили и скручивали невидимые руки. Потом откинул накинутую на плечи тонкую байковую простыню, кстати, всё время считал, что это тонкое шерстяное одеяло, но здесь её называют простынёй, прости Господи и приподнялся на локтях.

Здесь – это в Российском Директорате…. Да, вы правильно догадались, перед вами самый всамделишный попаданец из самой обыкновенной Российской Федерации. И не смотрите на то, что в названиях присутствует слово российский.

Ничего общего эти государственные образования между собой не имеют, от слова вообще. Во-первых, директорат, судя по всему, образование, слившегося в экстазе государства и корпорантов. И находится оно явно где-то южнее, но точно не скажу, карту никакую глобальную не видел, а местная вообще никаких ассоциаций с родным миром не вызывает. И вообще у них тут мир постапокалипсиса, но об этом позже.

Так вот, у дверного проёма, подсвеченный тусклым лунным светом, стоял мальчишка лет четырнадцати – худенький, с вечно заспанными глазами, в растянутой серой футболке. Он почти сливался с тенью, но в руке отчётливо белел костяной нож.

- Лёшка… что-то случилось? – прохрипел потрясённо, с трудом узнавая собственный голос. Так-то, довольно часто мучился ночами, но эта выдалась особенно тяжёлой и нозящей.

Кстати, Лёшка – это Алексей Проныра. Где он себе такую кликуху заработал в душе не …, ну вы поняли. Все вокруг звали его просто – Лёшка. На первый взгляд – типичный подросток с худым лицом, большими глазами и детской наивностью, которую, впрочем, трудно было не подметить даже в полутьме. Но стоял он с ножом в руке – не как испуганный ребёнок, а как стражник, уставший от долгого дежурства.

- Нет, всё тихо, – покачал головой он, зевнув так широко, будто челюсть готова была соскочить. – Просто услышал, как ты стонешь. Опять тебе что-то мерещится? Ты же сам гово-

рил, что это не болезнь, но даже городской доктор плечами пожимает…

М-да, медицина нам здесь только снилась, так что не обольщайтесь званием доктор. Ну, а пока просто сел, скрестив ноги, и в темноте мой голос прозвучал почти стальным:

- Это не болезнь. Уже ведь говорил. Не стоит тебе забивать этим голову. Скоро рассветёт, и мне пора на охоту. А ты бы поспал немного. В школу нужно идти, если хочешь успеть к утренним занятиям.

Пришлось здесь многому научиться, о чем даже не думал в родном мире, а иначе никак. Спасение утопающих, исключительно дело рук самих утопающих. Да и школа здесь…. Ну, сравнить её могу разве что с церковно-приходской девятнадцатого века в нашем мире. И учитель там всего один. Да и платить даже за это нужно, ведь учителя никто никак не содержит. Лёшка опустил глаза и буркнул:

- Да какой в этом смысл…. Школа… в этой глуши….

В целом он прав, но совсем без образования никак. Хоть писать и считать научат. А может ещё и чему получше. Потому подался вперёд, взгляд у меня по любому стал серьёзным, будто в голове прозвучал какой-то внутренний приказ:

- Учёба может спасти тебе жизнь. Даже здесь. Особенно здесь.

Подросток замялся, потом вдруг выпалил:

- А можно мне с тобой? На охоту. Я тоже хочу!

Он стоял со сжатыми кулаками, чуть выдвинув подборо-

док вперёд, как это делают мальчишки, уверенные, что сейчас будут спорить до последнего. Лёшка не был храбрецом. Но он хотел стать им. И по-своему уже начинал путь.

Этот момент ничего ему не ответил. Только смотрел на него долго, видимо, с каким-то странным выражением – будто видел сразу и взрослого мужчину в будущем, и всё того же испуганного подростка, цепляющегося за сны о героизме.

- А кто будет стоять на страже ночью, если вдруг с тобой что-то случится? Неужели я? Тот, кто вечно без сознания?! – усмехнувшись, задал ему вопрос, затем тяжело поднялся с лежанки и потянулся. Спина хрустнула, как старое дерево от ветра.

Не стал тратить время на пререкания. Натянул видавшую виды куртку, закинул через плечо вязаную сумку и, не дожидаясь рассвета, направился к единственному водозабору подола. Да, водопровода здесь не было, как класса и воду можно было взять только в одном месте. В это время суток было относительно безопасно – по крайней мере, меньше шансов нарваться на мародёров или бродячих псов, сброда здесь хватало.

Ночами в этих краях царил полный беспредел.

***

Облака висели над землёй низко и зло. Громоздились, словно надвигающийся кошмар, под которым сгущалась кромешная тьма. Ветер носился по пустоши, как бешеный зверь, срывая пыль с камней и хлеща ею по лицу.

Первая капля дождя – мутная, едкая, с кисловатым запахом ржавчины – с шипением упала в сухую землю. И хотя упала она в нескольких шагах, Ярослав почувствовал: не успеет – будет поздно. Да, дождик тут тоже ни фига не обычный.

В тот момент лежал ничком, затаившись среди жухлой травы и пепельных кустов, чувствуя, как меня обволакивает не просто сырость, а сама безысходность. Кажется, сегодня удача повернулась ко мне совсем не тем местом, тем что пониже спины, если культурно выражаться: дичь так и не показалась, а кислотный дождь уже начинал накрапывать.

Кто-то, когда-то сказал мне: "Берегись зверья в пустоши. Оно не простое". И был прав. Но звери – не самое страшное. Тут убить могло всё: ветер, дождь, случайная яма, и даже собственная усталость.

Но, несмотря на всё это, всё равно не шевелился. Потому как не мог уйти с пустыми руками. Если сегодня ничего не добудет, завтра он и Лёшка сдохнут от голода. А умирать от голода было хуже, чем от клюва или когтей. Ну, может не прямо вот так сразу, но что-то близкое к этому.

Где-то рядом хлопнули крылья. Тут же открыл глаза – мгновенно, но дыхание своё не сбил, сохранил ровным, словно продолжал спать. Он знал, как важна сейчас каждое мгновение.

Перед ним, невдалеке, лежал вверх дном чёрный котёл, типа казан, только не такой массивный и тяжёлый, подпёр-

тый веткой. Вокруг – несколько размоченных крошек хлеба. Даже им пожертвовал, а знали бы вы, как нормальный хлеб здесь сложно достать, слава богу это был самый дешманский и почти доступный всем. Слово почти, вовсе не шутка. Както так. И вот, ловушка готова.

Вскоре с небес спустилась крупная птица – почти с гуся размером, тёмно-серая, с чернильным отливом. Не сказал бы даже что пернатый была сильно меньше котла. Она настороженно огляделась, пару раз вздрогнула крыльями, будто не доверяла своей удаче. Потом – шаг, второй… И вот уже она почти у крошек.

Как только её голова потянулась к еде, резко дёрнул за верёвку. Ветка выскочила, котёл рухнул. В следующее мгновение он ринулся вперёд, как снаряд, вжался всем телом в котёл, прижимая его к земле. Вы же помните, птица не так и мала, а котёл не так и тяжёл, так что всё это было не лишним.

- Фух… – выдохнул с облегчением, вытирая пот со лба. – Есть.

Вздохнул прямо-таки с облегчением, когда после целой ночи ожидания, ну почти, сумел-таки поймать этого воробья. Да, этот почти гусь был местным воробьём. К счастью, все мои усилия не пропали даром, тем более, что такую возможность было трудно найти.

Шум из-под котла стоял знатный – воробей не собирался сдаваться, птица билась, шипела и царапалась изнутри. Но это уже не имело значения. После ночи, полной холода и

ожидания, у него, наконец, был ужин. Потенциальный!

Издалека донёсся еле слышный звон – сигнал из крепости, сообщающий о наступлении очередного часа. Да, вот такие тут часы. Прямо, как кремлёвские куранты, но без циферблата и как склянка на корабле. Так что повернул голову и посмотрел в сторону крепости. Да, весь их посад был возле этой крепости. Когда же, ну, когда же он сможет перевезти туда Лёшку? В крепости хотя бы есть еда, крыша, порядок. Там – живут, а здесь – выживают.

Но желания было недостаточно. Чтобы попасть внутрь, надо было иметь документы, связи или деньги. Ничего из этого у меня не было.

Постепенно шевеление под котлом стихло. Наконец довольно выдохнул, проверил, плотно ли обмотана рука тряпкой, и осторожно приподнял котёл, приоткрыв щёлку. Сунул руку внутрь, чтобы схватить птицу.

И тут же вскрикнул. Из-под котла с силой вылетела его рука – на ладони зияла кровоточащая рана. Птица клюнула так, что даже ткань не спасла.

- Да чтоб тебя…, – прошипел зло сквозь зубы.

Потом снял куртку, наспех обмотал ею руку, и с новой яростью полез обратно. На этот раз схватил за шею. Пальцы сомкнулись крепко. Сильный поворот. Треск.

Птица затихла.

И довольно затих на земле, тяжело дыша, с мёртвым воробьём в руке. Куртка была изодрана когтями, пальцы жгло

от боли, но он победил. И у них будет еда.

Хотя бы на сегодня.

***

Всё дальнейшее произошло для меня внезапно. Потому не удивительно, что резко сбился с шага, словно ноги подкосились сами собой. Мир вокруг на миг потускнел, будто кто-то задул лампу, и разум захлестнула густая, вязкая темнота. Глухой удар, как будто медный колокол пробил внутри черепа, эхом прокатился в голове.

Так что рухнул на колени, обхватив голову руками. Земля подо мной была сухой, покрытой растрескавшейся пылью, но он едва это заметил. Кислотный дождь так и не разошёлся.

"Чёрт… В прошлый раз это началось только после полуночи. Почему сейчас так рано?.."

Подобное странное состояние было с мной не в первый раз. Все в округе знали, что у Косого "не всё в порядке с головой" – об этом шептались старушки, обсуждали между собой беженцы, и даже врач из подола разводил руками. Никто не знал, что со мной происходит. Не эпилепсия и ладно, но это уже моё мнение.

Но сам при этом знал: это не боль. Это нечто другое. Такое чувство, будто выпадал из мира – не терял сознание, а… нырял в нечто. В пространство вне реальности. И сейчас было по-другому. Намного отчётливее. Тьма внутри него вдруг отступила, открывая… дворец. Вот тут-то реально ошизел. Это как это мать его ети?! Да, настоящий дворец – мрач-

ный, величественный, будто вышедший из старинной гравюры, с высокими шпилями и каменными стенами, покрытыми древними письменами. Видение было настолько реальным, что на мгновение подумал, что в какой-то новый мир попал.

Потом открыл глаза. Сердце колотилось. Наверное, всё-таки привиделось. Но возник законный вопрос:

- Почему в этот раз очнулся так быстро?..

Слишком много вопросов. Но времени на ответы не было. Он должен был вернуться обратно, в подол под крепостью 334, пока не начался настоящий кислотный ливень.

Потому поднялся, связал лапы у пойманного воробья – пернатого гиганта, размером почти с гусыню – и забросил тушку за плечо. Затем поднял закопчённый чёрный котёл, бывший для него одновременно ловушкой и теперь – укрытием. В мгновение ока он водрузил его над головой, благо он не был таким глубоким как казан, а больше напоминал глубокую тарелку, в этом смысле, будто крышу, и бросился в сторону ворот подола.

Небо хмурилось всё сильнее. Капли кислоты, тяжёлые и колючие, начали сыпаться на котёл с отчётливым звоном. Каждая – как маленький удар. Но, несмотря на это, шёл, пригнувшись, шаг за шагом пробираясь вперёд сквозь злобный, стальной дождь.

Но на его пути вырос силуэт – человек в обрывках одежды, с костяным ножом в руке.

- Сдавай добычу, – рявкнул он.

Но не успел он договорить, как котёл, ловко сдёрнутый мной с плеча, с грохотом опустился ему внезапному противнику прямо в лицо!

- Мать твою! – воскликнул налётчик, падая на спину. Он не ожидал такого быстрого отпора – атака была стремительной, решительной, как у воина, а не голодного паренька.

Он успел лишь уловить, как в следующее мгновение котёл вновь оказался над головой нападавшего, и тот, не теряя ни секунды, снова понёсся прочь. Всё это заняло меньше двух секунд.

Вор лежал, ошеломлённый, смотрел в мрачное небо, по лицу капал кислотный дождь. Он шипел на коже, оставляя покраснения. Было больно.

- Чего это он?.. – пробормотал он. – Так… быстро….

Он всё ещё не встал, как вдруг снова услышал приближающиеся шаги. Сначала не поверил. Но да, тот парень возвращался. С тем же спокойным лицом, будто забыл что-то и просто вернулся забрать.

- Эй, ты… – прохрипел вор, – ты чего?.. Погоди, может, договоримся?.. Ну я ведь тоже… ну… пострадавшая сторона….

Но мне было насрать на его слова. И вообще, так-то не было в планах возвращаться, но беда в том, что отчетливо услышал, как раздался голос прямо в моей голове.

"Квест: подарите кому-нибудь вашу добычу."

Нет, правильно, сначала подумал шиза. Но потом засо-

мневался. Уж больно складно она глаголила. Да ещё и в том тоне, словно в книжках про ЛитРПГ когда игроки во всякие игрульки играли. Но я -то не играл, а значит, тут натуральное РеалРПГ корячилось. Другой вопрос, с чего бы. Никаких систем в мир не приходило, а может и приходило, но никому об этом не сказало, а это, как понимаете, почти одно и тоже. В общем, практика критерий истины. И как всякий уважающий себя попаданец с научным складом ума, решил проверить. Так что сейчас посмотрел на горе бандюгана с интересом, но без враждебности.

- Тебе нужен воробей? – задал ему конкретный вопрос, глядя прямо в глаза.

- Конечно нужен! – вспыхнул вор, глаза его заблестели.

Знал бы ты падла, как он мне самому нужен, но опыт нужно ставить. А этот чел прямо сам просится в лабораторные мыши.

- На, держи, – и, без лишних слов, сунул птицу ему в руки и повернулся, будто сделал самое обыденное дело в жизни.

И в тот же миг в его голове прозвучал чужой, незнакомый голос – чётко, с оттенком чего-то потустороннего:

"Квест выполнен: Подарите кому-нибудь вашу добычу."

Награда: Базовый Свиток Дублирования Навыков. Вы можете использовать его, чтобы перенять один навык другого человека.

И тут пришлось резко остановиться, потому как ощутил, как в моём разуме – прямо посреди той чернильной тьмы,

что раньше залила всё сознание, – проявился пергамент. Настоящий, кожаный, с непонятными символами. И при этом всё время знал, чувствовал: это не глюк. Это – настоящее. Всё менялось. Твою же налево… походу правда РеалРПГ. А если такое сейчас со всеми…. Нет, тот дурак ничего пробного явно не ощущал. Вот как живо воробья забрал. Значит, не для всех это. А потом меня огрело осознание. Базовый Свиток Дублирования Навыков! Твою налево….

- Да, Свиток Дублирования Навыков?.. – остановился озарённый новой мыслью, озадаченно всматриваясь в пустоту, будто слова прозвучали не в голове, а прямо над ухом. – Что значит "копировать чужие навыки"?.. Охоту? Выживание? Или что-то ещё?.. Как это вообще работает?..

Вмиг почувствовал, как воображаемый пергамент внутри сознания начал медленно вращаться, разбрасывая искры мысли — загадочные, тёплые и пугающие одновременно. Это что же, есть и другие навыки и РеалРПГ – это только для меня, что ли? Да ну на…. Так не бывает… или бывает?

Тем временем вор, всё ещё сидящий на земле, прижимал к груди тушку гигантского воробья, будто это была редкая ценность, а может, даже дитя.

- Спасибо тебе… ты просто…, – голос его задрожал, он явно не ожидал подобной доброты. – Ты настоящий человек! Просто... хороший человек!

Он уже собирался разразиться речью о чести, справедливости, о редкости благородства в этом мире. Но не успел.

Меня озарила мысль, но раз всё это в реальности, а у него нет никакого инвентаря, да и он явный лох по жизни, то какого чёрта?!

Потому, не говоря ни слова, вдруг резко развернулся и… снова подошёл к нему. Протянул руку. Уверенно, без слов.

- Эй?.. — Вор замер, не понимая.

Тогда просто молча вырвал у него из рук воробья обратно, как человек, который просто передумал давать в долг. Закинул тушку себе на плечо, как ни в чём не бывало, так же молча пошёл прочь, не оборачиваясь.

"Хм, а такое РеалРПГ мне нравится больше!"

И пергамент у меня и воробей. Да блин, сплошной профит!

- Э… что?.. – растерянно выдавил из себя вор, глядя на его удаляющуюся спину. Он не знал, что сказать – то ли обидеться, то ли попытаться догнать, то ли посмеяться над абсурдностью происходящего.

- Что, чёрт возьми, с этим парнем?! – с досадой думал он. – Он что, с ума сошёл? Зачем тогда вообще дарить, если тут же забираешь всё обратно?

Он ещё несколько секунд сидел, хлопая глазами, пока кислотный дождь продолжал тихо шипеть на камнях вокруг.

***

Пока суд да дело вернулся в город позже обычного – из-за вора, из-за странного приступа, который накрыл его, как волна, выбив из реальности. А ещё – из-за этой чертовой

птицы, которая стоила мне крови, времени и нескольких минут абсолютного безумия.

Когда наконец увидел, как над городом сгущаются вечерние тучи и небо засияло зловещими отсветами, будто его подкрашивали грязной медью, стало ясно: путь домой будет куда опаснее, чем обычно. В такие часы улицы становились территорией отчаяния.

Днём по городу ещё шатались патрули из крепости. С оружием, в одинаковых бронекостюмах и одинаково бездушными глазами. Следили за порядком – не потому что заботились, нет. Просто если в городе начнётся хаос, это отразится на рабочих руках. А беженцы были для них – ни больше ни меньше, как топливо. Живое и заменимое. Так-то предпочитали использовать роботов, но толи их не хватало, то ли производство накрылось медным тазом, но на самые опасные работы набирали людей с подола.

Ночью же стража уходила обратно за стены крепости. Как по команде.

Именно в это безвременье, между закатом и полным мраком, и вернулся. Ворвавшись в город с котлом, надетым на голову, как шлем, и добычей за спиной, естественно привлёк к себе взгляды. Кто-то крикнул с обочины, голос хриплый, будто простуженный угольной пылью:

- О! Гляди-ка, Косой сегодня с добычей! Урожайный день, выходит?

К нему обратился человек, лицо которого невозможно бы-

ло разобрать – слой грязи был таким плотным, что казалось, его кожа стала землисто-серой. Такое впечатление, что он не умывался с рождения, а если и пытался, то только с пылью и потом.

Впрочем, в подоле почти все выглядели так.

Большую часть времени жители города проводили под землёй – в соседней угольной шахте. День за днём, с рассвета до заката, они лезли в чёрные жерла шахты, чтобы выгрызать из неё тонны каменного топлива. Этот уголь потом отправляли в крепость, где он шёл на обогрев, на генераторы и, возможно, даже – на их уютные тёплые ванны. Если честно, не знаю, зачем он им, поскольку энергией крепость обеспечивалась небольшим ядерным реактором. Более того, тут было ещё куча аккумуляторов, так что им было чем запитывать крепостные рейлганы на случай нападения.

Взамен шахтёры получали паёк – несколько ломтей чёрного хлеба, Того самого, который почти всем доступен, иногда пакет сухого картофельного пюре. Откуда они брали их, непонятно. Вроде никто картоху в город не привозил, да и не выращивалось ничего такого внутри, хотя все дома были наполовину, с южной стороны, оранжереями. И даже пару раз видел, как охранники жрали бананы. В общем, пайку шахтёрам выдавали ровно настолько, чтобы дожить до следующего утра и снова полезть под землю.

Но дело было не только в шахтах. Любая грязная, опасная, бесперспективная работа – всё это падало на плечи бе-

женцев. Всё, что стража в крепости считала ниже своего достоинства.

Чистая вода, к примеру, в городе была на вес золота. Норма – строго по паре литров в день. Больше? Даже не мечтай. Любые дополнительные запасы прятались под замками или вооружённой охраной. А ближайшие природные источники – реки, родники – были слишком опасны. Без шуток. Не столько из-за людей, сколько из-за диких зверей, что тоже искали воду. Но если знать, как….

Потому почти никто в городе не умывался. Лица – в пыли, саже и соли. Образы людей был размытыми, одинаковым – только глаза светились из-под маслянистой грязи. Даже сам, хоть и не работал в шахтах, выглядел не особо лучше – кожа, покрытая копотью, руки – чёрные до локтей, волосы спутаны, под курткой — вечно потёртая рубашка, которой давно не знала мыло. БИЧ, одним словом. Бывший интеллигентный человек.

Но у меня был свой путь.

Не работал на шахтах. Не рыскал по мусоркам. А охотился. Брал от пустоши то, что другие боялись взять. Мой путь был одинок, труден и страшен, но пока держал в себе нечто другое – выбор. И гордость. А значит, у него было то, чего не могли отнять. А умыться…. Когда удавалось, делал. Другой вопрос, что тратить питьевую воду на это… тоже уже научился считать кощунством. Вода – это жизнь, а чистота – это привилегия. Такая вот она здесь жизнь.

Прошёл мимо и не ответил на приветствие. Не из высокомерия. Просто было в тот момент не до разговоров. Поскольку мечтал о своей лачуге – крохотной хибарке, стоящей у обрыва на краю города, где можно укрыться от ветра, сварить птицу, перевязать руку… и, может быть, немного забыться, пока снова не придёт ночь.

***

Когда решил вернуться в посад не привычной тропой, а по другой – через заросший кустарником овраг, – неожиданно оказался в непосредственной близости от стен крепости. Громадные, мрачные, будто сложенные из самого ночного неба, стены поднимались ввысь, заслоняя звёзды. Ярослав невольно задрал голову – и не увидел вершины: она терялась в темноте, как если бы сама крепость отгораживала себя от мира, которого не хотела знать.

В городе, за исключением этой самой крепости и пары полуразвалившихся ангаров, почти не было капитальных зданий, благо тепло. Всё остальное – жалкие хибары, сколоченные из чего попало: ржавые листы железа, каменные обломки, пластиковые панели, щепки. Люди здесь не строили – они выживали.

А пока шагал уверенно, но как только пересёк границу жилого сектора, насторожился. Моя правая рука сама собой легла на рукоять костяного ножа у пояса, дожил, но что поделать, это почти единственный доступный материал – тяжёлый, неказистый, но выточенный им самим, он не раз спасал

ему жизнь.

Улицы были затаённо пустынны, как бывает в бурю. Ни звука. Ни лая собак, ни скрипа дверей. Только шорох ветра и хлюпанье шагов по грязи. Атмосфера была тяжелой, липкой, словно город замер в ожидании беды.

Но не нужно думать, будто не знал это чувство. Не раз его видел его прежде – в глазах охотников, перед тем, как они попадали в засаду. В таких моментах люди с тёмными намерениями обычно выжидают. Но увидев в его руках нож, скрывающиеся в тенях быстро теряли храбрость. Обычно. А вот сейчас было непонятно, как кривая вывезет.

Первая и, пожалуй, самая важная истина, которую усвоил за время жизни в этих краях: никому нельзя доверять. Почти никому… кроме Лёхи.

- Эй, глянь! Ярослав вернулся с добычей, – донёсся до него хриплый шёпот из-за стены какой-то халупы.

- Да какая там добыча, – отозвался второй голос, пренебрежительный. – Всего лишь птица, воробей, кажется….

- Ты ослеп, что ли? Эта птица с воробьём только по названию схожа. Я помню, в докатаклизменных учебниках такие здоровяки назывались орлами. Или беркутами.

- Не нарывайся на него. Ты не знаешь, через что он прошёл, – подытожил третий голос, и шепот оборвался, будто срезан ножом. Кто-то явно был в курсе моего здешнего прошлого. Это тоже настораживало.

Потому, не оборачиваясь, распахнул тряпичную занавес-

ку своей лачуги. Тепло, повисшее внутри, как клуб пара от похлёбки, окутало его. Словно проскользнул в другую реальность, он расслабился – на короткий миг.

Лёшка сидел у столика, склонившись над тетрадью. Кривые буквы плясали под карандашом, а сам мальчишка выглядел, как ни в чём не бывало.

- Ты воробья принёс? – в голосе прозвучало восхищение.

Он даже чуть не перевернул чернильницу, вскочив на ноги.

- Почему ты не зажёг лампу? – хмуро спросил его, проходя внутрь.

Лёха был трудным мальчишкой, часто упрямым и импульсивным. Но рядом с мной – он словно менялся. Послушный, старательный, будто младший брат, старающийся заслужить уважение.

- Хотел сэкономить. Керосин у нас почти на донышке, – виновато пробормотал он, почесав затылок.

Да, у нас керосиновая лампа, правда не уверен, что работает она на керосине, пахло топливо не так, но похоже на него и все его так называют. Ладно, дело десятое. Сейчас склонился, поставил птичью тушку на стол и строго посмотрел на него:

- А если ты испортишь зрение? Что тогда?

- Ну… – Лёшка развёл руками. – Учитель рассказывал, что до Катаклизма были такие штуки – "очки". Если зрение портилось, их надевали, и всё было видно. Только теперь их

можно найти разве что в крепости.

На это лишь усмехнулся, как человек, который видел слишком многое, чтобы принимать на веру красивые истории. Тем боле знал, что это такое на самом деле и какая проблема их достать в этом мире. Так что надежда на очки сродни надежде на чудо.

- Видел как-то одного, кто такую штуку носил. Очки, да. Вот только в пустоши они тебе не помогут. Упали – и ты слеп. Всё. И если рядом зверь или обрыв – ты покойник. Не слушай ты своего учителя. Не всё, что он говорит, – правда.

- Но тогда… почему ты заставляешь меня ходить в школу? – Лёха посмотрел с обидой, в голосе прозвучал вызов.

На это лишь промолчал. Слово, которое собирался сказать, так и застряло где-то в горле. Он отвёл взгляд, будто внезапно оказался перед вопросом, на который сам не знал ответа.

- Почему ты продолжаешь болтать? – грозно, ладно, надеюсь грозно посмотрел на Лёшку, не отрываясь от разделки туши.

- А когда я смогу пойти на охоту с тобой? – не унимался тот, сидя на табуретке у стены, болтая ногами.

- Тебе всего четырнадцать. Зачем тебе это? Если будешь хорошо учиться, тебе не придётся охотиться. Разве не лучше изучать бухгалтерию, физику или химию, чем бегать по лесам и рисковать шеей?

- Разве тебе самому не семнадцать? – парировал Лёнька,

уставившись ему прямо в глаза. В его голосе была обида и… правда.

Да, реципиент мне достался молодой, только не сказал бы что это прямо офигеть как здорово в таком-то мире. В эту эпоху даже отребье понимало, что знание – сила. Нужно было потерять, чтобы наконец понять, что бесплатно – это не значит никому не нужно, тем более, что здесь за обучение приходится платить. За учителями, как за шаманами, ходили целыми семьями. Их никто не трогал, даже бандиты. Потому что знали: убьёшь учителя – обречёшь своё потомство. Попробуй потом найди учителя….

Образование стоило дорого. Чернила, тетради, право слушать лекции – всё это нужно было покупать. Будем говорить прямо, тоже с радостью сидел на уроках, если бы кто-то бы меня содержал, как сам Лёху. Так что обойдусь, тем более у меня уже была возможность походить в школу. Знал бы тогда, какая это привилегия….

А пока молча поддел ножом грудную кость туши и ловко отделил мякоть. Котёл над огнём вскипал, срывая крышку от пара. Эта вода была не совсем питьевой, но после кипячения….

- Что вам сегодня рассказывал учитель? – спросил его, не глядя. – Если что, могу оставить тебе только внутренности. Завтра надо идти на рынок, продавать мясо. Без денег ни лампы, ни угля, ни соли.

Лёнька молчал, потом прищурился, заметив тёмную по-

лоску на его руке.

- Ты ранен? – нахмурился он, подойдя ближе. – Это от воробья?

На предплечье, чуть выше кисти, зиял свежий порез – неглубокий, но кривой и ярко-красный, слава Богу, кровь уже свернулась.

Пламя в костре вспыхнуло, осветив на миг моё лицо. Оно было сосредоточенным, упрямым и немного усталым.

- Просто царапина, – ответил он, будто отмахиваясь от мухи.

Повисла тишина. Котёл забулькал, пара капель вылетели на край и зашипели, попав в огонь. Спустя пару минут Ярослав выловил ливера и осторожно положил их в деревянную миску.

- Ешь.

Лёнька сжал губы. Его глаза стали подозрительно влажными.

- Не хочу. Это тебе нужнее. Чтобы рана скорее зажила, – выдавил он, уставившись в пол.

- У меня есть суп, – тихо сказал ему. – И хлеб чёрствый. Переживу.

- Нет, – Лёшка вскинул голову. – Это не просто царапина. Я видел, как у одного мужика гной пошёл, и он умер от обычного пореза. У нас нет мазей, ни бинтов. Я не позволю тебе умереть из-за какого-то воробья.

Бах!

Лёгкий, но звонкий шлепок по щеке. Бил не от злости – это было как пробуждение.

- Запомни: ты и я не имеем права на слёзы. Мир сожрёт тебя, если заплачешь. Этот мир не прощает слабости.

Да, жопа как она есть. Поднял голову, смотрел на Лёшку с каменным лицом:

Если ты будешь голодным и слабым, а меня ранят – что тогда? Кто защитит тебя? Кто понесёт меня, если рухну в грязь?

Лёшка всхлипнул, вырвал из его рук миску с органами и жадно съел всё, почти не жуя. Он заставил себя проглотить всё без капли слёз. Хотел быть сильным.

- Молодец. Теперь, как доешь – принеси чистую тряпку. Нужно перевязать рану.

- Хорошо.

- Ты на улице весь такой резкий, болтливый, как сверчок, – буркнул ему вдогонку, раздувая огонь. – А дома – сидишь, будто тебя водой окатили. Что-то случилось в городе?

- Ага, точно! – оживился Лёнька, копаясь в сундуке с тряпками. – Сегодня из крепости вышли какие-то люди. Все в одинаковых куртках, с эмблемой. Сказали, что ищут проводника – хотят пройти через горы Урал, сами понимает, ни одним боком они наш Урал не напоминают, и попасть в Крепость 333. Через чёртовы горы! Представляешь? Да, здесь это реально чёртовы горы.

Потому поднял голову. Моё лицо на миг напряглось.

- Через Урал? Да они самоубийцы.

- Да. Но, говорят, у них есть карты. И снаряжение. И деньги.

Он ничего не ответил. Лишь молча подбросил в костёр щепку, отчего пламя вспыхнуло ярче. Свет упал на его лицо, на котором отражались мысли и тени прошлого.

- Лёх, запомни. Если кто-то из них вдруг заговорит с тобой – не отвечай. Ни слова. Даже если предложат шоколад.

- Я что, совсем дурак? – фыркнул Лёшка.

- Нет. Но ты ещё ребёнок. А у тех, кто идёт в уральские горы по собственной воле, – в глазах смерть. Такие не спрашивают – они просто берут. И если ты попадёшься под руку...

В тот момент не договорил. Не нужно было. Лёшка понял.

И в ту ночь, за тонкими стенами, сделанными из старых афиш и оцинкованного железа, они ужинали молча – охотник и возможно его будущий наследник, каждый со своими страхами.

Потрескивающий огонь бросал дрожащие отблески на закопчённые стены лачуги, отбрасывая на пол тени, будто шевелящиеся призраки. Воздух внутри пах копчёным мясом, горячим супом и чуть-чуть гарью — привычный уют в этом грязном, запылённом мире. Немного подумав поднялся с корточек и выпрямился, хрустнув суставами – всё-таки день выдался тяжёлым. Как обычно даже не снял верхней одежды: в этой глуши нельзя было позволить себе слабость, даже

дома.

- Они хотят дойти до Крепости 333?.. — пробормотал он, нахмурив брови.

Мой голос, обычно спокойный, сейчас прозвучал с едва заметной ноткой тревоги.

- И через уральские горы, да ещё настаивают на этом?

Взгляд метнулся в сторону, будто пытался узреть сквозь деревянные стены тех, кто вынашивал такие наивные и безрассудные планы. Где-то вдалеке, за пределами этой разваливающейся хибары, тянулись покрытые туманом и буреломом горы, настоящие каменные великаны, пожирающие путников без следа.

Сидевший неподалёку, у стены, Лёшка вскинул глаза, в которых сверкнул живой интерес. Он моргнул, будто оценивая, стоит ли говорить дальше, и всё же решился:

- А вдруг они придут за тобой? Ведь все знают, что ты отлично знаешь эти земли, – и, сделав короткую паузу, добавил, – говорят, они музыканты. И певцы. Из Крепости 334. Приглашены выступать в 333-й. Ты только представь… Музыканты, Ярослав!

Он мечтательно посмотрел на огонь, будто уже слышал в своём воображении нежные аккорды и человеческий голос, чистый, как родник в горах. Но на это лишь резко оборвал его грёзы.

- Пусть идут, куда хотят, – буркнул, сжав губы. – Но ты держись от них подальше. В этих людях что-то не так. Не зря

у меня кожа пошла мурашками, как только ты их упомянул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.